

DOI 10.35775/PSI.2025.71.6.007

УДК 32.327

И.Э. ПАСТУХОВ

магистрант МГИМО МИД России,

Россия, г. Москва

РЕФОРМА СБ ООН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ

В статье анализируется эволюция российского видения реформы Совета Безопасности ООН и Организации в целом на основе анализа Концепции внешней политики России за разные годы.

В первой части работы рассматривается история вопроса реформирования Совета Безопасности ООН и описываются существующие проблемы, мешающие полномасштабной реформе органа. Во второй части статьи проводится анализ того, как менялось российское понимание реформы за последние два с половиной десятилетия. Автор использует метод контент-анализа документов и анализирует выступления российских государственных деятелей для того, чтобы определить российский взгляд на реформирование Совета Безопасности. В работе реформа СБ ООН рассматривается во взаимосвязи с российским пониманием современной системы международного права и тенденций глобального развития.

На основе проведенного анализа делается вывод о том, что для России реформирование ООН в целом состоит, прежде всего, в реформе Совета Безопасности. Российские взгляды на реформу СБ ООН претерпели значительные изменения с 2000-ых годов: от либерально-идеалистических нарративов, предполагающих гибкость в отношении права вето и активное расширение Совета за счет преимущественно западных государств, Россия перешла к более прагматичному подходу, предполагающему расширение СБ ООН за счет государств Глобального Юга при неизблемости права вето постоянных членов. Данная динамика объясняется изменением глобальной политической обстановки и местом России в современном миропорядке.

Ключевые слова: ООН, Совет Безопасности, многополярность, реформа ООН, Россия, постоянные члены.

Введение. В формирующемся многополярном мире первостепенное значение приобретает поддержание стабильности на мировой политической арене, базисным элементом которой является Организация Объединенных Наций [25. С. 10]. Созданная более 75 лет назад, ООН остается универсальным механизмом, нацеленным на глобальное управление, особенно в сфере поддержания международного мира и безопасности. Устав ООН составляет ядро всей системы международного права, а его принципы играют определяющую роль в развитии человеческой цивилизации более семи десятилетий. Кроме того, уникальная

легитимность и уникальные возможности этой организации остаются особенно востребованы на сегодняшний день [5].

Однако с момента создания организации мир значительно изменился: с распадом Советского Союза исчезла и система международных отношений, основанная на принципе биполярности; человечество перешло к построению многополярного мира. На фоне этих изменений ООН не претерпела никаких существенных структурных изменений, сохранив в себе баланс сил, заложенный во время принятия Устава Организации в 1945 году. За всю историю существования ООН в Устав было внесено всего несколько незначительных изменений, связанных с увеличением численного состава Совета Безопасности, экономического и Социального Совета, а также уточнением порядка проведения Генеральной конференции государств-членов [18. С. 85-86]. Всего было принято 5 поправок, из которых 2 поправки: к статьям 23 и 27 Устава – относились к изменению числа членов Совета Безопасности (с 11 до 15) и порядка голосования в этом органе. Тем не менее, данные изменения коснулись лишь небольшого увеличения числа непостоянных членов в СБ ООН, никак де-факто не изменив основополагающие принципы его работы. С одной стороны, это отражает стабилизирующий характер ООН как международного регулятора; с другой стороны, это несет и негативные последствия, такие как неспособность Организации в современном виде оперативно решать все чаще возникающие кризисные ситуации.

В первую очередь эта проблема характерна для Совета Безопасности, единственного органа ООН с императивным инструментарием, уполномоченного решать вопросы мира и безопасности, чья деятельность оказывается зачастую парализована из-за острых разногласий между постоянными членами, обладающими правом вето. За последние десятилетия члены Совета Безопасности так и не смогли прийти к согласию по целому ряду кризисов: это и война в Ираке, и Палестинский вопрос, и гражданская война в Сирии, переросшая в крупномасштабный конфликт на Ближнем Востоке. Как отмечают некоторые исследователи, именно Сирийский вопрос обнажил существование в стенах Совета Безопасности блокового мышления [26. С. 162], основанного на принципе «свой-чужой». До сих пор СБ ООН так и не удалось урегулировать ряд крупных вооруженных конфликтов из-за противоречия интересов «Западной тройки» с Россией и Китаем. Это стало особо заметно в разгар сирийского кризиса. Россия девять раз блокировала принятие подготовленных США и Великобританией резолюций по принуждению Дамаска к миру, за что западные страны обвинили Москву в намеренном саботаже работы Совбеза [16]. По другой неразрешенной проблеме – по вопросу оккупированных Израилем Палестинских территорий и палестино-израильскому конфликту – право вето с заядлой частотой применялось уже Соединенными Штатами – 21 раз с 1991 года [36]. Один из последних проектов резолюций, на который США наложили вето в 2024 году, касался принятия Государства Палестина на правах полноценного члена в ООН (проект Резолюции S/2024/312) – на данный момент Палестина остается наблюдателем при Организации. При этом, особенности процедуры принятия новых членов

таковы, что без одобрения кандидатуры Советом Безопасности вопрос не может быть вынесен на рассмотрение в Генеральную Ассамблею. В аналогичном тупике оказался Совет и при попытках урегулировать конфликт на Украине. Этот ряд можно дополнить целой плеядой проблем, географически простершихся от Ливии и Ирака до постсоветского пространства, с которыми СБ ООН в силу расхождения интересов постоянных членов не смог справиться.

Однако проблемы ООН на современном этапе не ограничены низкой эффективностью Совета Безопасности. Среди других насущных вопросов можно отметить вопросы бюджетирования Организации и отдельных ее органов, прозрачность распределения бюджета ООН и излишняя бюрократичность Организации. Особо остро стоят проблемы неравномерного участия стран в миротворческой деятельности и связанного с этим миротворческого контингента ООН, который зачастую оказывается неспособным предотвратить или урегулировать конфликты. Остается неясным будущее Военно-штабного комитета при СБ ООН, который задумывался как центр управления объединенными войсками Организации, которые так и не были сформированы.

Особый драматизм ситуации придают также разновекторные стратегии России и США, касающиеся современной и будущей роли ООН [27. С. 23]. Организация остро нуждается в реформировании для того, чтобы иметь возможность в обозримом будущем эффективно выполнять возложенные на нее задачи.

Вопросу реформирования ООН и особенно Совета Безопасности в научной литературе уделяется пристальное внимание последние несколько десятилетий. Среди последних трудов в данной сфере стоит отметить работы А.В. Худайкуловой [27], Г.А. Дробот и Р.Ю. Паламаренко [8. С. 217-227], К.В. Власовой и В.А. Тимченко [4. С. 121-129], В.А. Аваткова и Р.И. Гузаерова [1. С. 194-201], А.А. Орлова и Г.Г. Мачитидзе [18] и др.

Методология. Методологическим основанием данной работы выступает парадигма **политического конструктивизма**. Поскольку интересы государств не являются изначально заложенными, а возникают как продукт социального взаимодействия (внутриэлитного торга) [42], позиция государства по одному и тому же вопросу может меняться в процессе как внутреннего переосмысления, так и международного взаимодействия [37. Р. 1-39], что может быть изучено как через нормативные источники, так и через анализ дискурса политиков. Основным методом в исследовании выступает **контент-анализ** документов.

Научная новизна данной работы состоит в том, что вопреки обширному числу работ, посвященных реформе ООН и Совета Безопасности, эволюция российской позиции по данному вопросу остается, в целом, вне фокуса внимания исследователей. Целью данной статьи является анализ российского видения реформы Совета Безопасности и его изменение на современном этапе.

Реформа СБ ООН: история вопроса. Вопрос реформирования ООН не отличается новизной – он был поднят еще в 1946 году, сразу после создания организации, и касался упразднения права «вето» постоянных членов СБ ООН [8. С. 218]. С тех пор, проблема проведения реформ в организации и реорганизации Совета

Безопасности, в частности, с разной периодичностью появлялась в политическом дискурсе. Определяющим шагом в вопросе реформирования ООН стало принятие резолюции ГА ООН № A/RES/48/26 в 1993 году. Резолюция учреждала Рабочую группу по подготовке реформы СБ ООН, а также обозначила решение вопроса консенсусом как единственно возможное [22].

Диалог о реформировании организации вышел на новый уровень, начиная с 2000 года, когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан выступил с докладом «Мы, народы: роль Организации Объединенных наций в XXI веке». В своем выступлении он подчеркивал важность обновления организации, необходимость для нее адаптироваться к происходящим переменам. Также он призвал страны-члены ООН заняться решением проблемы реформирования Совета Безопасности с тем, чтобы он работал эффективно при сохранении его неоспоримого авторитета [6].

В 2005 году выходит новый доклад Генерального секретаря ООН под названием «При большей свободе», в котором вновь содержался призыв к обновлению СБ ООН путем расширения его состава до 25 членов. Для этого предлагалось 2 стратегии: первая – добавить в Совет Безопасности 6 постоянных членов без права «вето» на 6, а непостоянных на 3; другая – ввести в СБ 9 новых непостоянных членов [7]. Инициатива реорганизации одного из 6 основных органов ООН исходила и от групп государств: свои проекты предлагали и «группа четырех» (Германия, Япония, Индия и Бразилия), и «Объединившиеся ради консенсуса» государства, а также так называемый «кофейный клуб». Существовали и менее радикальные задумки, касающиеся изменения только административной стороны работы комитета. Один из таких проектов был предложен «швейцарской пятеркой» и предполагал использование «более открытых» методов работы СБ ООН. Тем не менее, все эти проекты, как мы теперь можем судить, не получили дальнейшей реализации, хотя в последние годы вновь стали часто говорить о нерешенной проблеме реформы СБ. Однако современные идеи о расширении Совета Безопасности так или иначе адресуют нас к планам, появившимся в начале столетия.

Для России как для страны, унаследовавшей от СССР, место постоянного члена СБ ООН, вопрос реформы организации в целом и Совета безопасности в частности особенно чувствителен. С одной стороны, согласно официальной позиции России, реформа необходима. Это логично вытекает из двух факторов.

Во-первых, в СБ ООН явно недостаточно представлен целый ряд государств. С последней реформы по расширению Совета Безопасности (1) число членов организации выросло со 113 до 193; при этом численный состав этого органа остался неизменным. За почти 60 лет с последнего и единственного расширения Совета Безопасности, ООН приняла в свои ряды 80 новых членов, преимущественно с Африканского континента, из Азии и Океании. Однако принцип регионального квотирования (2), в соответствии с которым осуществляется ротация в Совбезе, не претерпел абсолютно никаких изменений.

Показательным является то, что страны Запада (3) занимают 1/3 Совета, имея совокупно 5 кресел (2 постоянных члена + 3 непостоянных члена), когда Африканские государства направляют только трех представителей, среди которых нет ни одного постоянного. Что касается постоянных членов СБ ООН, дисбаланс представляется еще большим – из 5 стран, 3 представляют страны «Запада» (Соединенное королевство, США и Франция), 1 – государства Азии и Океании (Китай) и 1 – Восточную Европу (Россия). Такая система распределения мест между регионами мира ведет к непропорциональному представлению стран Африки, Азии и Океании в важнейшем органе ООН.

Во-вторых, вновь отметим, что в стенах Совбеза все чаще играет не последнюю роль блоковая дипломатия, что ставит Россию не в самую выгодную позицию по отношению к Западным коллегам, которые имеют 3 места среди постоянных членов СБ. В этом отношении, России хотелось бы иметь большую поддержку за счет привлечения в Совет Безопасности новых, неангажированных членов. С другой стороны, затрагивая вопрос расширения СБ, необходимо сохранять хрупкий баланс между соблюдением принципа справедливого географического распределения и превращением органа в громоздкую дискуссионную площадку, неспособную эффективно выполнять возложенные на нее функции. При этом особое значение для России имеет поддержание статуса-кво по вопросу права «вето» при голосовании в Совете Безопасности.

Хотя в последнее время активно звучат призывы многих стран пересмотреть эту привилегию постоянных членов. Так в 2020 году делегациями Мексики и Франции в СБ было выдвинуто предложение ограничить использование права вето в тех случаях, когда совершаются массовые преступления против человечности [38].

Впрочем, на современном этапе такое ограничение представляется невозможным и неприемлемым как для России и Китая, так и для США, активно защищающих эту исключительную привилегию.

По мнению российского МИДа, в Совете Безопасности недопредставлены развивающиеся страны мира. По заявлению министра иностранных дел России Сергея Лаврова на международной конференции «Диалог Райсина» в 2020 году, в комитет должны быть включены Индия и Бразилия, а также представитель Африки на постоянной основе [17]. Как отмечают некоторые исследователи, отсутствие Индии в Совете Безопасности в числе постоянных членов на современном этапе выглядит нелогично ввиду ее большого населения и серьезного экономического потенциала [10]. Уже в 2023 году Индия стала самой населенной страной мира – сегодня почти каждый пятый житель планеты является индийским гражданином [43] – а по объему ВВП по ППС, по данным МВФ, страна вышла на 3 место в мире [32].

На протяжении последних двух десятилетий отношение российских политико-академических кругов к реформированию организации несколько менялось. В общих чертах, можно сказать, что от идеалистически-оптимистичного настроения российских политиков отошло в сторону более прагматичного. Можно

предположить, что это связано и с поугасшим во всем мире оптимизмом в отношении реформы Совета Безопасности, но скорее это вызвано новым витком идеологического раскола между Западом и Россией. Политические интересы России, ее позиционирование себя на мировой арене претерпели серьезные изменения за последние два десятилетия. Это не могло не найти отражения в изменении взглядов на изменение основного международно-признанного рычага влияния, коим для России является СБ ООН.

Вопрос реформы СБ ООН во внешней политике России. Ключевым документом, регулирующим внешнеполитическую деятельность России, выступает Концепция внешней политики России (далее – Концепция). Для контент-анализа, проведенного в данном исследовании, были отобраны документы 2000, 2008, 2013, 2016 и 2023 годов [11; 12; 13; 14; 15]. В выборку не вошла Концепция внешней политики России от 1993 года, поскольку этот документ стилистически и структурно в значительной степени отличается от Концепций последующих годов, что создает проблему сравнимости этих источников.

Для анализа текстов Концепций за 2000–2023 гг. были выбраны следующие единицы анализа:

- **«Многополярность»** – создание полицентричного мироустройства;
- **«ООН – основной международный регулятор»** – категория включает условные единицы, подтверждающие российское видение ООН как основного мирового регулятора;
- **«Постоянный член СБ ООН»** – понятие включает лексемы, подчеркивающие важность России как постоянного члена Совета Безопасности ООН;
- **«Ведущая роль Устава ООН»** – совокупность единиц анализа, отсылающих к важности соблюдения государствами Устава как основополагающего элемента системы международного права.
- Также были выделены случаи упоминания реформы ООН в целом и Совета Безопасности – в частности.

Таблица 1. Частота упоминания отдельных смысловых категорий в текстах концепций внешней политики России

	К 2000	К 2008	К 2013	К 2016	К 2023	Итого упоминаний
Многополярность	1	0	1	0	9	2
ООН – основной международный регулятор	5	13	15	13	6	46
Постоянный член СБ ООН	2	4	3	3	1	12

	К 2000	К 2008	К 2013	К 2016	К 2023	Итого упоминаний
Реформа ООН	1	1	2	2	0	6
Реформа СБ ООН	1	1	1	1	0	4
Ведущая роль Устава ООН	2	5	4	6	5	17
Итого упоминаний	12	24	26	25	21	108

Исходя из проведенного анализа, можно заключить следующее.

Во-первых, частота упоминания Организации Объединенных Наций как ключевого элемента современной системы международных отношений в концепции внешней политики России начинает увеличиваться с 2008 года. Можно предположить, что этому способствовали изменения в международной конъюнктуре и непосредственно изменение внешнеполитических ориентиров России. «Мюнхенская речь» В. Путина 2008 года положила начало переориентации России с упора на сотрудничество со странами Запада на построение партнерских отношений с азиатскими, латиноамериканскими и арабскими государствами. На сегодняшний день этот трек сотрудничества, объединяющий весь Глобальный Юг, активно реализуется в рамках БРИКС и ШОС.

В общемировом контексте также можно отметить некоторые изменения, повлиявшие на рост заинтересованности России в ООН как институте глобального управления. Так, можно обозначить наметившуюся тенденцию на принятие Соединенными Штатами Америки и их союзниками по НАТО решений в обход санкций Совета Безопасности ООН. Ярким примером этого является вторжение в Ирак в 2003 г. Такой подход явно демонстрировал и продолжает по сей день демонстрировать пренебрежительное отношение некоторых государств даже среди основателей Организации к использованию этого международно-признанного инструмента принятия решений по поддержанию мира и безопасности. С этим же явлением коррелирует и частота упоминаний о необходимости соблюдать Устав ООН и действовать в рамках системы международного права. Принимая во внимание, что Концепция внешней политики – это документ, целью которого является определение сферы интересов России и демонстрация мировому сообществу границ допустимого в международных делах в видении России, рост с 2008 года числа упоминаний основополагающей роли ООН и недопустимости отхода от соблюдения международного права формируемого Уставом ООН, представляет собой ясный сигнал преимущественно Западным партнерам о том, что Россия не приемлет решений, принимаемых в обход инструментария Организации Объединенных Наций.

Во-вторых, для России реформа Совета безопасности не является целью сама по себе. Как было выявлено, частота упоминания необходимости реформы составила лишь 1 из 12 случаев упоминания ООН в документе в 2008 году и примерно 1 на 25 случаев в последующие годы. Причем в последней редакции Концепции от 2023 года реформа СБ ООН не упоминается вообще. Из этого можно сделать вывод, что вопреки формальной важности реформирования СБ, данный вопрос не является ключевым приоритетом России во внешней политике. Это соотносится и с настороженными заявлениями многих отечественных политологов и дипломатов об опасности такого рода реформирования Организации. К примеру, в 2023 году советник постпредства России при ООН Дина Гильмутдинова отмечала, что Россия занимает сдержанную позицию по количественному расширению Совета – общее число членов при расширении, по ее словам, не должно превысить «чуть более 20» и при этом не должно происходить за счет добавления новых стран Западной Европы [23].

Однако, если сравнить данный показатель с частотой упоминания необходимости обновления Организации в целом, то можно отметить, что практически всегда упоминание «реформы ООН» совпадает с «реформой Совета Безопасности». Таким образом, для России реформирование ООН по большей части равнозначно, в первую очередь, реформированию Совета Безопасности.

В-третьих, с 2008 г. возросла частота употребления относящихся к тематике ООН конструкций в официальной документации, что свидетельствует о возросшей значимости Организации во внешнеполитической деятельности России. С этой тенденцией соотносится и частота упоминания места постоянного члена России в Совете Безопасности ООН (в разные годы она также увеличилась в 1,5-2 раза; в среднем на 25 случаев упоминания ООН во всех смыслах, 3 случая приходится на подчеркивание важности статуса постоянного члена СБ, которым обладает Россия), что подчеркивает важность этого статуса, являющегося одновременно и инструментом политического влияния, для России. Вместе с тем, это сигнализирует другим акторам о важном месте России в мировом политическом процессе.

Что касается принятия новых членов, то Россия, согласно многократным заявлениям министра иностранных дел С.В. Лаврова предпочла бы видеть Бразилию и Индию вместе в рядах постоянных членов Совета Безопасности [24]. Примечательно, что в начале 2010-ых годов помимо Бразилии и Индии Россия поддерживала идею рассмотреть Японию и Германию как потенциальных кандидатов [20]. Закономерно, по мере охлаждения отношений с обеими странами данный нарратив исчез. На сегодняшний день для России приоритетным является увеличение доли стран, представляющих Глобальный Юг. Данное стремление отражено в Итоговой декларации Саммита БРИКС 2023 в Йоханнесбурге. Так, пункт 7 Декларации отмечает необходимость всеобъемлющей реформы ООН и СБ ООН – в частности через увеличение представительства развивающихся стран во всех категориях членства в Совете, с тем чтобы ООН надлежащим образом реагировала на существующие глобальные вызовы и поддерживала законные

стремления развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки, включая Бразилию, Индию и ЮАР, играть более значительную роль в международных делах [9]. Хотя арабские страны и не упоминаются непосредственно, текущее укрепление связей России с государствами Аравийского полуострова подразумевает, что их представленность в ключевом органе системы ООН должна возрасти. Тем более, что в Концепции внешней политики 2023 года арабский мир называется «дружественным России» [15].

Изменения внешнеполитических нарративов в России коснулись не только перспективного состава СБ ООН, но и вопроса права вето. Если в 2000-ых годах Россия поддерживала разнообразные формулы присоединения новых вето-игроков [19], то в последнее время доминирующим стал нарратив о неизбежности права вето как прерогативы, но вместе с тем и ответственности стран-победительниц во Второй Мировой войне [3]. Следовательно, на сегодняшний день для России право вето остается неприкосновенной привилегией существующих постоянных членов Совета Безопасности.

Реформа СБ ООН в нарративах других постоянных членов. Среди постоянных членов Совета Безопасности видение реформы Организации серьезно различается – так, к примеру, для Соединенных Штатов важнейшим элементом реформирования ООН является создание четкой системы подотчетности и прозрачности реализации бюджета ООН. Такой подход вполне оправдан, ведь США уже долгие годы вносит максимально допустимый Уставом взнос в бюджет ООН, составляющий 22% общего бюджета Организации [29].

В вопросе реформы Совета Безопасности, США поддерживают увеличение числа постоянных и непостоянных членов. Хотя вопрос эффективного числа членов Совета также беспокоит США, как и Россию, география представительства, предлагаемая США, весьма занята. Соединенные Штаты поддерживают присоединение G4 в качестве постоянных членов (это название получили Бразилия, Германия, Индия и Япония), а также государств Африки и Латинской Америки [28]. В 2024 году постпред США в ООН Линда Томас-Гринфилд озвучила более конкретное предложение о предоставлении двух мест постоянных членов государствам Африки, а также одного места для государства из числа малых развивающихся островных стран [35]. США остаются единственными, кто предлагает полноценное включение государств Океании в число ПЧ Совета Безопасности. Хотя это может показаться хорошим демократичным решением, на практике за ним может скрываться попытка провести в Совет еще одного участника, глубоко зависящего от США и их союзников. Кроме того, совокупное расширение числа постоянных членов до 13 едва ли выглядит конструктивным предложением как с точки зрения эффективности, так и с позиций равновесности предлагаемых государств. Вызывает сомнение, что де-факто какое-то из островных государств сможет выстраивать отношения на равных с «пятеркой» – на то нет ни политических, ни экономических оснований. Его голос, скорее, станет разменной монетой для более сильных держав.

Китай сохраняет достаточно консервативную позицию в вопросе реформирования Совета Безопасности. Часто в выступлениях китайских дипломатов можно услышать перекликающиеся с российской позицией фразы про необходимость поэтапных преобразований и достижение широкого консенсуса. Китай считает необходимым обеспечение равного географического представительства в Совете, особо подчеркивая «историческую несправедливость, сложившуюся в отношении Африки» [30]. При этом право вето остается для Китая исключительной прерогативой постоянных членов [34]. Что касается предложений по поводу конкретных членов, то Китай занимает выжидательную позицию. Совершенно очевидно, что ни при каких обстоятельствах Китай не поддержит включение Японии в число постоянных членов. При этом, в отношении Индии, Бразилии и ЮАР, входящих в число соучредителей БРИКС, Китай не выдвигает открытого протеста, но полагает, что для их лучшей представленности в международных делах существуют и другие механизмы. Впрочем, Китай положительно оценивает участие последних в качестве непостоянных членов Совета [34]. Хотя Китай не выказывает открытой враждебности по отношению к Индии в стенах СБ, маловероятно, что он захочет предоставить кресло постоянного члена своему главному конкуренту в азиатском регионе – Индии, которая уже обогнала Китай по населению и показывает положительную экономическую динамику. Не стоит забывать и о нерешенных территориальных спорах и религиозных конфликтах, связанных с Тибетским автономным районом КНР, между Китаем и Индией.

Франция на современном этапе предлагает расширять СБ ООН как за счет добавления постоянных, так и непостоянных членов. В числе постоянных Париж рассчитывает видеть Бразилию, Германию, Индию и Японию. Расширять число непостоянных членов Франция предлагает за счет африканских государств [40]. В то же время, Франция допускает и принятие государств Африканского континента в ряды постоянных членов [33]. Последнее, как думается, имеет под собой два основания: во-первых, несмотря на ослабление позиций Франции в бывших колониях, она все еще остается важным игроком в регионе. Увеличение числа франкофонных государств в числе постоянных членов может быть полезным для укрепления статуса самой Франции. Во-вторых, это является компенсаторным механизмом за колониальный период. Хотя даже гипотетическое принятие африканского государства в качестве постоянного члена не означает, что это обязательно будет франкоязычная страна, Франция не выступает против подобного исхода. При этом, официально неопределенным остается отношение Франции к увеличению представленности арабских государств в Совете – хотя Франция и не высказывает официальных возражений, отношения с арабскими странами остаются неоднозначными в свете продолжающегося во Франции миграционного кризиса и провала политики мультикультурализма [2].

Позиция Соединенного Королевства в целом совпадает с их коллегами по другую сторону Ламанша. Британия поддерживает включение G4 в число постоянных членов СБ ООН, а также увеличение общего числа членов Совета до порядка 25 стран. Право вето для Великобритании остается неотъемлемой

привилегией постоянных членов, но вместе с тем и зоной большой ответственности государств, им обладающих [31]. В этой связи Соединенное Королевство призывает следовать Кодексу поведения в отношении мер Совета Безопасности по борьбе с геноцидом, преступлениями против человечности и военными преступлениями, предложенному в Резолюциях А/70/621 ГА ООН и S/2015/978 СБ ООН. В Кодексе содержится призыв к постоянным членам СБ ООН не накладывать вето на субстантивные проекты резолюций по вопросам, связанным с геноцидом и преступлениями против человечности [41]. Так, Великобритания добровольно воздерживается от применения права вето с 1989 года. Хотя инициативу поддержали более 100 государств ООН, включая Францию и Великобританию, США, Россия и Китай не приняли попытки ограничить свободу своих действий в рамках Совета.

Заключение. Российский подход к реформе СБ ООН претерпел значительные изменения за последние годы. От идеалистической плюралистической позиции Россия перешла к консервативно-охранительной. Если в начале 2000-ых годов Россия рассчитывала на широкомасштабное сотрудничество в стенах СБ ООН и с тем поддерживала включение Германии и Японии вместе с Бразилией и Индией в число постоянных членов, то на современном этапе для России является важным выравнять прозападную диспропорцию в Совете за счет привлечения большего числа стран Глобального Юга в качестве как постоянных, так и непостоянных членов. В отношении права вето готовность к дискуссии и торгу сменилась однозначным стремлением сохранить существующий статус-кво, что, очевидно, вызвано тем, что эта привилегия осталась одной из немногих мер, не позволяющих США и их союзникам действовать полностью бесконтрольно. На это повлиял и горький опыт воздержания от использования вето в 2011 году при голосовании по ливийскому вопросу.

На сегодняшний день можно заключить, что единственным возможным направлением реформирования Совета Безопасности является увеличение представленности непостоянных членов, поскольку вся «пятерка» поддерживает расширение географии участия стран. Вопрос полномочий постоянных членов, а также расширения их числа остается камнем преткновения на пути к полномасштабной реформе СБ. В условиях глубокой поляризации позиций и открытой вражды среди постоянных членов любые уступки становятся невозможными, а без них глубокая реформа органа остается недостижимой целью.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) В 1963 году была принята поправка к статье 23 Устава ООН, увеличившая число членов СБ ООН с 11 до 15 стран. Таким образом, в комитет были добавлены 4 непостоянных члена.
- (2) Согласно Уставу, места в Совете Безопасности распределяются в соответствии с региональной квотой: Африка – 3 места, Азия и Океания – 3 места, Латинская Америка – 2 места, Восточная Европа – 2 места, Западная Европа и прочие страны – 5 мест.

(3) Формально данная региональная группа в СБ ООН называется «Западная Европа и прочие страны». Де-факто, к «прочим странам» относятся 2 страны в Северной Америке – США и Канада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аватков В.А., Гузаеров Р.И.** «Мир больше пяти», или справедливость по-туречки // Современная Европа. 2023. № 1 (115).
2. **Веретевская А.В.** Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. Москва: МГИМО-Университет, 2018.
3. Владимир Путин: без права вето пяти постоянных членов Совбеза ООН он не сможет выполнять свои функции // Новости ООН. 2020. 21 сентября // <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1386362>.
4. **Власова К.В., Тимченко В.А.** Реформа ООН и ее влияние на современную систему международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476.
5. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на заседании Совета Безопасности ООН – 7 мая 2021 года // https://www.mid.ru/ca_ES/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4721942.
6. Доклад Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» // ООН, 2000 // <https://undocs.org/ru/A/54/2000>.
7. Доклад Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «При большей свободе» // Foreign Affairs, 2005 // https://unis.unvienna.org/pdf/freedom_annan.pdf.
8. **Дробот Г.А., Паламаренко Р.Ю.** Проблемы всеобъемлющей реформы Совета Безопасности ООН // Социально-гуманитарные знания. № 1.
9. Йоханнесбургская декларация II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивного многостороннего сотрудничества // МИД России. 2023. 24 августа // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/.
10. **Кадомцев А.А.** Вопрос о реформировании Совбеза ООН давно назрел // Международная жизнь. 2020 // <https://interaffairs.ru/news/show/25118>.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2000.
12. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2013.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2016.
15. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2023.
16. **Кортунов А.В.** День, когда не стало ООН // Российский совет по международным делам. 2018 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/den-kogda-ne-stalo-oon/>.

17. Лавров: Индия и Бразилия должны быть представлены в СБ ООН в результате его реформы // ТАСС, 15 января 2020 // <https://tass.ru/politika/7521785>.
18. ООН в современном мире: взгляд из Москвы: к 75-летию ООН: монография / А.А. Орлов, Г.Г. Мачитидзе; под общей редакцией А.А. Орлова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. Москва: МГИМО-Университет, 2020.
19. Ответ на вопрос индийских журналистов о реформировании ООН // Официальный сайт Президента России. 2004. 4 декабря // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22725>.
20. Ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 13 мая 2010 года // МИД России // https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/250058.
21. Путин: реформа ООН должна быть качественной и при большом согласии // ТАСС, 2017 // <https://tass.ru/politika/4612379>.
22. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/48/26, принятая 10 декабря 1993 года // <https://undocs.org/ru/A/RES/48/26>.
23. Российский дипломат выступила против новых стран Западной Европы в СБ ООН // РИА Новости. 2023. 10 марта // <https://ria.ru/20230310/diplomat-1856895290.html>.
24. Россия выступила за постоянное членство Индии и Бразилии в СБ ООН // РИА Новости. 2023. 18 ноября // <https://ria.ru/20231118/oon-1910215564.html>.
25. **Савин Л.М.** Многополярность и внешняя политика России // Постсоветские исследования. 2020. № 1.
26. **Ходынская-Голенищева М.С.** Работа Совета Безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений // Вестник МГИМО. 2017. № 6 (57).
27. **Худайкулова А.В.** Россия, США и реформа ООН // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». № 1 (360).
28. **Biden J.R.** A Proclamation on United Nations Day, 2022 // The White House. 2022. October 21 // https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/10/21/a-proclamation-on-united-nations-day-2022/?utm_source=chatgpt.com.
29. Council on Foreign Relations. Funding the United Nations: What impact do US contributions have on UN agencies and programs // CFR // <https://www.cfr.org/article/funding-united-nations-what-impact-do-us-contributions-have-un-agencies-and-programs>.
30. Embassy of the People's Republic of China in the United States. Statement on UN Security Council Reform // Embassy of the People's Republic of China in the United States. 2025. 20 February // https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zggs/202502/t20250220_11559108.htm.

31. Foreign, Commonwealth & Development Office; Kariuki J. (Ambassador). The UK calls for Security Council expansion: UK statement at the UN General Assembly // GOV.UK. Published 28 November 2023. Delivered 16 November 2023 // <https://www.gov.uk/government/speeches/the-uk-calls-for-security-council-expansion-uk-statement-at-the-un-general-assembly>.
32. International Monetary Fund. IMF Data Mapper: Purchasing Power Parities (share) // International Monetary Fund, 2025 // <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD>.
33. Ministère de l'Europe et des Affaires Étrangères de la France. France and the United Nations Security Council // <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/france-and-the-united-nations/france-and-the-united-nations/france-and-the-united-nations-security-council/>.
34. **Panda A.** China's Stance on UN Security Council Reform // Institute for Security and Development Policy. 2011 // https://isdp.eu/wp-content/uploads/publications/2011_panda_chinas-stance-on-unsc-reform.pdf.
35. Remarks by Ambassador Linda Thomas-Greenfield at a UN General Assembly debate on UN Security Council reform // United States Mission to the United Nations. 2024. September 18 // https://usun.usmission.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-on-the-future-of-the-united-nations/?utm_source=chatgpt.com.
36. Research Guides: UN Security Council Vetoes // United Nations Research // <https://research.un.org/en/docs/sc/quick/veto>.
37. **Risse T.** Let's argue! Communicative action in world politics // International Organization. 2000. Vol. 54. № 1.
38. Security Council Must Reflect Twenty-First Century Realities, Delegates Tell General Assembly, with Many Calling for Urgent Expansion of Permanent Seats // UN Press. 2020. 23 April // <https://press.un.org/en/2020/ga12288.doc.htm>.
39. U.S. Department of State. United States promotes performance and accountability in UN peacekeeping. 29 March 2019 // <https://2017-2021.state.gov/united-states-promotes-performance-and-accountability-in-un-peacekeeping>.
40. United Nations Department of Political and Peacebuilding Affairs. Enhancing the authority of the collective security system // DPPA – United Nations // <https://www.evrzsouz.ru/index.php/ru/>.
41. United Nations. Code of Conduct regarding Security Council action against genocide, crimes against humanity or war crimes. A/70/621-S/2015/978 // United Nations. 14 December 2015 // <https://docs.un.org/en/A/70/621>.
42. **Wendt A.** Social theory of international politics. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999.
43. World Bank. Population, total // The World Bank, 2025 // <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=IN>.

I.E. PASTUKHOV

Master's student at School of Governance and Politics,
MGIMO University, Moscow, Russia

UN SC REFORM IN RUSSIAN FOREIGN POLICY: THE EVIDENCE FROM CONTENT ANALYSIS OF DOCUMENTS

The article discusses the evolution of Russian approach to the UN SC reform and to the UN reform in general based on the Concept of the Foreign Policy of The Russian Federation of different years.

The first part of the work examines the history of the issue of reforming the UN Security Council and describes the existing problems that hinder a full-scale reform of the body. The second part of the article analyzes how the Russian understanding of reform has changed over the past two and a half decades. The author uses content analysis method to analyze official documents regulating Russian foreign policy as well as speeches of Russian top-officials aiming to define Russian approach to the UN SC reform. The paper examines the reform in its connection with the modern international law system and Russian position on the global trends of development.

Based on the analysis carried out, the author concludes that Russia understands the reform of the UN primarily as the reform of the UN SC. Russian views on the matter have evolved since 2000-s – Russia has replaced its liberal and idealistic narrative, implying certain flexibility regarding the veto power and introducing new members, primarily involving Western states, into the Council with a more pragmatic approach suggesting future expansion based on the countries representing the Global South, with the veto power remaining inviolable. These changes being explained by the shift in the global political environment and Russia's place in the global world order.

Key words: UN, Security Council, multipolar world, UN reform, Russia, permanent members.